

— Кажется, не всё так просто, самое страшное — это звери, скрывающиеся под маской, — добавил Му Цзиньнянь, произнося это с предельной серьёзностью.

В конце концов Гу Чэннань всё же решил познакомить Му Цзиньняня со своим вторым братом. Его второй брат не работал в корпорации Гу и большую часть времени, за исключением редких мероприятий, проводил в старом семейном особняке Гу. Чтобы встретиться со вторым братом, Му Цзиньняню пришлось отправиться туда вместе с Гу Чэннанем.

Выйдя из машины, Му Цзиньнянь мельком взглянул на новый автомобиль председателя Гу — Geely Meigenbao. Такой же вычурный вкус, как и раньше. Не ожидал, что Гу Чэннань, который кажется таким сдержанным, имеет такое увлечение.

Старый особняк семьи Гу оказался больше, чем представлял себе Му Цзиньнянь, но не столь роскошным, как он ожидал. Весь сад был выполнен с большим художественным вкусом, и, как говорили, его проектировал сам второй брат. Дом, построенный в стиле западных особняков 70-80-х годов прошлого века, был, конечно, большим, но не производил впечатления грандиозности.

Подошедший дворецкий повёл Гу Чэннаня внутрь, а Му Цзиньнянь огляделся. Восемь камер наблюдения, сканирующие системы с инфракрасными датчиками, металлодетектор на входе — охрана была организована на высшем уровне. Му Цзиньнянь с внутренним удивлением отметил, что всё это выглядит слишком уж сложно.

— Молодой господин, всё в порядке! — произнёс старый дворецкий.

Му Цзиньнянь удивился: оказывается, даже Гу Чэннаня проверяли при входе. Неужели старый предок семьи Гу не доверяет даже ему?

— Я, как посторонний, это ещё понимаю, но ты-то зачем? — не удержался Му Цзиньнянь, когда они поднимались по лестнице.

— Это для проверки, не установили ли на человека трекер или камеру наблюдения. Ты слишком много думаешь, — бросил Гу Чэннань, глядя на него.

Чувство равновесия, только что наладившееся у Му Цзиньняня, тут же рухнуло. Как же этот человек может быть таким неприятным! Он мог бы просто промолчать, зачем было говорить это вслух!

Гу Чэннань не сразу повёл Му Цзиньняня ко второму брату, а сначала отправился к старому предку семьи Гу. Когда они открыли дверь, стало ясно, что дела у того обстоят не лучшим образом. Всю комнату наполнял запах глюкозы, а медсестра как раз вводила питательный раствор. Му Цзиньнянь и Гу Чэннань дождались, пока она закончит, и только тогда подошли ближе.

— Отец, как самочувствие? — Гу Чэннань подошёл ближе.

— Ничего, — с улыбкой ответил человек, полулежащий на кровати.

Му Цзиньнянь, стоя позади, смотрел на него и чувствовал, что что-то не так. Взгляд, который тот бросал на Гу Чэннаня, был слишком сложным. Улыбка была, но не искренняя. Спокойствие, но не такое, каким оно должно быть.

— Это мой друг, я привёл его познакомиться с домом, скоро уйдём, — сказал Гу Чэннань.

— Хорошо, прогуляйтесь. Наш дом стар, хоть и реставрировался, но уже может считаться антиквариатом.

Не сказав и пары фраз, старый предок снова закашлялся. Гу Чэннань помог ему лечь и вышел из комнаты вместе с Му Цзиньнянем. Весь этот процесс Му Цзиньнянь прошёл молча.

Конечно, взгляд старого предока семьи Гу не остановился на нём, будто он был неважен. Му Цзиньнянь думал, что в таких семьях старшие всегда интересуются, с кем общаются младшие, но, видимо, он ошибался.

— Что за болезнь? Он так исхудал, — спросил Му Цзиньнянь.

— Болезнь Паркинсона, атрофия мышц. Неизвестно, откуда взялась. Началась в прошлом году, дорогое лечение поддерживает, но вылечить её нельзя, только тянуть время.

Сказав это, Гу Чэннань открыл другую дверь.

Му Цзиньнянь не стал продолжать расспросы, а осмотрел комнату. Это была художественная мастерская, большая, почти половина гостиной. Повсюду стояли мольберты и полки с картинами. Некоторые работы уже высохли, другие — ещё нет.

Второй брат стоял у окна, спокойно рисуя, и, казалось, даже не заметил, что кто-то вошёл. Гу Чэннань тоже молчал, ожидая, пока тот закончит.

Как только второй брат завершил работу, он обернулся и увидел Гу Чэннаня.

— Лао Сан, ты вернулся! Когда ты зашёл, я даже не заметил! — Второй брат вымыл руки водой и подошёл.

— Только что. Это мой друг, он тоже интересуется живописью, и, услышав, что ты рисуешь, захотел посмотреть, — сказал Гу Чэннань, совершенно не смущаясь.

Му Цзиньнянь едва сдержался, чтобы не выругаться. С каких пор он интересовался живописью? Он совершенно в ней не разбирался! Максимум, что он мог сделать, — это набросать простой эскиз, и то результат был далёк от идеала. Одним словом, он был полным профаном в рисовании, а Гу Чэннань просто подставил его.

— Здравствуйте! Ваши картины очень художественны! — Му Цзиньнянь тоже включил своё красноречие, начав с лести.

— Правда? Если нравится, я подарю тебе одну. Выбирай любую, только не те, что уже висят на стене. Это мои любимые! — Второй брат выглядел очень довольным, и Му Цзиньнянь немного расслабился. Кажется, тот не сомневался в нём. Если бы он начал задавать вопросы об искусстве, Му Цзиньнянь бы точно не смог ответить.

— Хорошо, спасибо! — Му Цзиньнянь тоже изобразил радость.

— Посмотри, что понравится, а я пойду в соседнюю комнату, помою краски.

— Хорошо!

Второй брат взял ведро с грязной водой и палитру и вышел. Едва дверь закрылась, Му Цзиньнянь начал внимательно осматриваться. Это было место, где второй брат проводил больше всего времени, кроме сна. Говорили, что он редко позволял слугам убираться здесь,

поэтому, возможно, здесь можно было найти какие-то следы.

Му Цзиньнянь смотрел на картины. Дверь и окно разделяли работы на два стиля: слева — более мрачные, справа — светлые. Среди картин были как абстрактные, так и реалистичные, и все они выглядели очень разнообразно. Большинство из них были пейзажами, людей на них не было.

— Твой брат часто выходит из дома? — спросил Му Цзиньнянь.

— Нет, почти не выходит. С тех пор как окончил университет, он почти всегда дома, — ответил Гу Чэннань, стоя у двери.

Он ничего не делал, просто наблюдал за Му Цзиньнянем. Тот был очень сосредоточен, и с этого ракурса можно было хорошо рассмотреть его черты лица. Расстояние было большим, но именно это расстояние вызывало особое удовольствие. Гу Чэннань покачал головой и подошёл ближе.

— Картины у двери более старые, у окна — новые.

— Ага, — подняв голову, Му Цзиньнянь не ожидал, что Гу Чэннань окажется так близко. Расстояние между ними было минимальным!

Короткая пауза, оба словно замерли, пока шаги второго брата не начали приближаться. Гу Чэннань отступил на шаг, и неловкость момента исчезла.

— Ну как? Есть что-то, что понравилось? — войдя, второй брат с улыбкой спросил.

— Да, все очень красивые. Мне особенно понравился этот городской пейзаж, — указал Му Цзиньнянь на картину рядом, обращаясь к Гу Цинфэну.

— Если нравится, забирай. Я попрошу дворецкого упаковать её, — сказал Гу Цинфэн, снимая картину с мольберта и сворачивая её.

— Большое спасибо, — Му Цзиньнянь выразил искреннюю благодарность.

Хотя Гу Цинфэн любезно предложил Гу Чэннаню и Му Цзиньняню остаться на ужин, оба отказались. Ужин в семье Гу был настоящим ритуалом, с определённым порядком раскладки и множеством правил. Один такой ужин мог превратиться в настоящее испытание.

К тому времени, как Гу Чэннань и Му Цзиньнянь вернулись на виллу, уже стемнело. Большая часть неба погрузилась в темноту, лишь вдалеке виднелись тёмно-красные отблески заката. Му Цзиньнянь, не отрываясь, смотрел на картину в руках, и, выходя из машины, чуть не споткнулся. Гу Чэннань тут же поддержал его, но Му Цзиньнянь даже не заметил этого.

— Что, влюбился в эту картину? — наконец не выдержал Гу Чэннань.

Если бы это было раньше, Му Цзиньнянь бы точно попытался выудить из него какую-то информацию, но сегодня он несколько часов просто смотрел на одну картину, и это его слегка насторожило.

— Ты говорил, что твой брат не выходит из дома, но как он тогда рисует столько пейзажей? — подняв голову, спросил Му Цзиньнянь.

<http://bllate.org/book/16800/1544913>